

Цин Янь видел, как работают печи на угле и дровах, но никак не ожидал, что управляться с ними окажется так сложно. На газовой плите всего-то нужно повернуть ручку, чтобы убавить или прибавить огонь, а тут уголь либо вообще не разгорается, либо полыхает так, что все сгорает. Он так измаялся, что пот градом катился с головы.

Кроме того, он и представить не мог, что соевый соус дома окажется таким соленым. Ему казалось, что он добавил совсем немного, но блюдо все равно вышло пересоленным. А уж с учетом того, что квашеная капуста сама по себе готовится с солью, получилась совсем беда — соленое на соленое. Цин Янь сам попробовал и подумал, что это больше похоже на соленья, чем на еду.

Первоначально он хотел оставить эту кастрюлю себе, а потом приготовить новую порцию, но, поскольку разобраться с угольной печью ему так и не удалось, новая попытка скорее всего снова бы сгорела. В итоге он махнул на все рукой.

Еще недавно тетя Ли восхваляла его перед Цю Хэнянем, так что тот, наверно, шел к столу с ожиданием вкусного ужина. Осознав это, а также увидев, как молча и безропотно тот уплетает пересоленное блюдо, Цин Янь испытал глубокое чувство вины.

После ужина Цин Янь поспешил проявить себя и вызвался сам убрать со стола и вымыть посуду. Цю Хэнянь, видя его настойчивость, больше не вмешивался, лишь вытер руки и ушел в дом.

Когда Цин Янь убрался, вычистил плиту и вымыл руки, на улице уже полностью стемнело. К счастью, поднялась луна, и в комнате можно было различить тени. Зайдя внутрь, он увидел, что Цю Хэнянь, задумчиво глядя в окно, словно погрузился в размышления. Но, заметив его, тот словно очнулся, встал из-за стола, зажег лампу, а затем взял сверток, который принес с собой, и протянул его Цин Яню.

Повернув голову так, чтобы скрыть половину лица, он тихо сказал:

— Открой, посмотри.

Цин Янь взял сверток, ощутив его тяжесть, и мельком взглянул на Цю Хэняня, прежде чем положить его на кровать. Сев на ее край, он медленно развязал узел. В слабом свете лампы он увидел аккуратно сложенную новую одежду.

Наверху лежала красивая небесно-голубая стеганая куртка. Цин Янь взял ее в руки, подивился насыщенному цвету и долго рассматривал, прежде чем отложить в сторону. Под курткой оказались жилет, штаны, нижнее белье и длинные носки. На самом дне лежали пара утепленных сапог и простые матерчатые туфли.

Глядя на вещи, Цин Янь почувствовал, как его глаза защипало от слез. Он надел небесно-голубую стеганую куртку, примерил тканевые туфли — все оказалось впору.

Подойдя к высокому силуэту, сидящему за столом, он спросил:

— Как я выгляжу?

Цю Хэнянь по-прежнему смотрел в сторону, его взгляд был устремлен куда-то на пол. Он лишь тихо пробормотал:

— Хорошо.

Цю Хэнянь заметил, что у Цин Яня с собой не было ни одной сменной одежды. Именно поэтому он специально сходил в город и купил для него все это. Осознав это, Цин Янь мгновенно забыл свою вину за пересоленную еду. Более того, он осмелился пошутить, капризно поджав губы:

— Ты даже не посмотрел на меня. Откуда знаешь, что мне идет?

Цю Хэнянь все так же отворачивался, но Цин Янь уловил, как его взгляд слегка дрогнул, переместившись с пола на окно. Спустя пару секунд мужчина тихо произнес:

— Смотрел.

Разумеется, он смотрел не сейчас, а в тот момент, когда Цин Янь надевал куртку и обувь. Цин Янь поджал губы и улыбнулся.

После этого Цю Хэнянь перетащил из другой комнаты сундук, чтобы сложить в него вещи Цин Яня. Когда они закончили уборку, время еще было относительно ранним. Тем не менее, в этом доме, как и во всей округе, люди привыкли ложиться спать сразу после заката и вставать с рассветом. Никаких развлечений по вечерам не предполагалось, а ламповое масло стоило денег, которых только-только стало хватать на еду. Экономия была неизбежной.

Однако Цю Хэнянь не отправил Цин Яня спать. Вместо этого он взял лампу и повел его в соседнюю комнату. Посреди комнаты на столе Восьми Бессмертных* стояли кисти, чернила, бумага и чернильный камень.

(ПП: квадратный стол)

— Сват говорил, что ты учился, — сказал он. — Можешь пользоваться этим.

Цин Янь кивнул, чувствуя благодарность. Он умел писать, но пользовался шариковыми ручками для написания современных иероглифов. Каллиграфию кистью он изучал лишь в начальной школе, и его навыки оставляли желать лучшего.

Пока он с тревогой ждал, что Цю Хэнянь потребует немедленно показать свои умения, тот, отвернувшись к нему спиной, на мгновение замер, а затем повернулся вполоборота и спросил:

— Сват говорил, что ты сдал уездные и провинциальные экзамены. В этом году у тебя должен был быть экзамен в академию. Почему ты не пошел?

Цю Хэнянь, очевидно, не знал правды. Сердце Цин Яня екнуло. Он опустил глаза и тихо ответил:

— Я всего лишь гер. Даже если я сдам экзамены в академию, а затем государственные, меня никогда не назначат на важный пост. В лучшем случае меня ждет мелкая служба где-нибудь на краю империи. Это мне кажется бессмысленным, поэтому я отказался.

Услышав это, Цю Хэнянь повернулся. Лампа стояла на столе, освещая его левую сторону теплым желтым светом, придавая чертам лица мягкость, почти мраморную гладкость. Правая же половина, изуродованная и устрашающая, скрывалась в тени.

Он внимательно оглядел Цин Яня и, помедлив, сказал:

— Жаль.

Цин Янь опустил голову, боясь, что его выражение выдаст ложь. Цю Хэнянь, однако, принял это за грусть и сменил тему:

— В городке есть книжная лавка. Если хочешь что-нибудь почитать, скажи. В следующий раз, когда буду в городе, куплю.

Цин Янь изобразил на лице радость, но в душе чувствовал себя удрученным. Книги он, конечно, хотел бы почитать, но не был уверен, сможет ли их осилить — а вдруг он и вовсе разучился читать старые тексты?

Перед сном Цин Янь постарался повторить привычки Цю Хэняня: с помощью хлопковой ткани и соли почистил зубы, умылся теплой водой, которую он только что вскипятил, и вымыл ноги. Он был готов лечь и отдохнуть.

Когда лампа погасла, Цин Янь улегся с внутренней стороны кровати. В лунном свете он наблюдал за высоким силуэтом, закрывающим занавески на роскошной кровати. Когда мужчина лег рядом и укрылся одеялом, Цин Янь вдруг приподнялся на локте.

Цю Хэнянь спросил:

— Тебе нужно выйти? Хочешь, зажгу лампу?

Цин Янь покачал головой, перелез через ноги мужчины и, натянув на ноги туфли, спустился с кровати.

В печи уже пригасили огонь, поэтому в доме стало прохладнее. Цин Янь, обхватив плечи, поспешил на кухню. Он налил из чайника большую чашку воды, аккуратно донес ее обратно и поставил на стол. Вернувшись к кровати, он остановился и тихо пробормотал в ночной тишине:

— Я поставил воду на стол. Если захочешь пить ночью, так будет удобнее.

Цю Хэнянь тихо ответил:

— Хорошо.

Затем он согнул ноги, освобождая место, чтобы Цин Янь мог забраться обратно в постель. Цин Янь лег, повернулся на бок к Цю Хэняню и, тихо-тихо, с извинением в голосе сказал:

— Ужин был слишком соленым, а ты все равно столько съел. Боюсь, ты ночью из-за этого будешь мучиться от жажды...

Он замолчал, и ему показалось, что услышал слабый, низкий смешок. Или не показалось? Он не был уверен. Спустя несколько секунд он ощутил, как мужчина поправляет его одеяло. В ночной тишине раздался низкий, слегка усталый, но мягкий голос:

— Спи.

Эти два слова звучали как заклинание. Цин Янь медленно закрыл глаза, чувствуя тепло под одеялом, уютную близость тела рядом, и ритмичное, спокойное дыхание Цю Хэняня, которое как будто наполняло комнату покоем. Очень скоро он погрузился в глубокий сон.

На следующее утро, едва забрезжил рассвет, Цин Янь проснулся. На этот раз он не стал валяться в постели.

Раньше ночи напролет он мог просиживать в телефоне: читать сообщения в мессенджерах, бесконечно листать ритмичные, но бессмысленные короткие видео или, в крайнем случае, бродить по сайтам интернет-магазинов, убивая время.

Однако этой ночью он выспался так хорошо, как давно не удавалось. Проснувшись, он чувствовал бодрость, легкость во всем теле и даже отметил, что боль ниже спины почти прошла.

Перед сном Цин Янь еще думал, что если Цю Хэнянь захочет сделать это снова, он, пожалуй, не станет терпеть, даже если придется положить жизнь на этой кровати. К счастью, минувшей ночью тот и не думал о подобном.

Цю Хэнянь встал раньше и уже занимался готовкой во внешней комнате. Цин Янь оделся и привел себя в порядок, а потом поспешил выйти, чтобы помочь, одновременно наблюдая, как разжигать печь.

За ночь уголь в печи полностью выгорел, оставив лишь тепло. Цю Хэнянь с помощью крюка вытащил остатки сгоревших углей, маленькой лопаткой выгреб золу в нижнюю часть печи, прикрыл ее железной решеткой, а затем поэтапно уложил дрова, уголь и сухую солому для розжига. Он, кажется, специально замедлял движения, особенно когда пользовался огнем, показывая все шаг за шагом.

Цин Янь чувствовал себя неловко, но внимательно наблюдал.

Утром готовить сложные блюда не стали. Цю Хэнянь выкопал из снега замороженный кусок тофу и небольшой кусок свиной грудинки. Капусту он разобрал на крупные листья, добавил размоченную лапшу из батата и сварил суп из свинины с капустой. Основным блюдом стали лепешки из кукурузной муки, прилепленные к краям котла.

Цин Янь в этот раз не вмешивался, сосредоточив внимание на том, как Цю Хэнянь управляет огнем. Он понял, что для ослабления жара нужно добавлять мелкие угольные остатки, чтобы приглушить огонь, а для усиления — сдвигать эти остатки с помощью крюка, открывая доступ воздуха к крупным кускам угля. Наблюдение оказалось полезным.

На завтрак каждому досталась большая чашка супа и по горячей кукурузной лепешке. Цин Яню дополнительно положили два яйца. Этот завтрак вполне его устроил.

Откусив лепешку, Цин Янь сразу оценил вкус. Хрустящая, чуть поджаренная сторона, пропитанная капельками масла из супа, придавала лепешке аромат. Сладковатый вкус кукурузной муки делал ее еще приятнее.

Суп тоже оказался прекрасным. Особенно Цин Янь любил бататную лапшу — нежную, гладкую и горячую. Замороженный тофу раскрыл свой вкус, но был настолько горячим, что легко можно было обжечься, так как с первого укуса из него вытекал сок. Даже капуста, разваренная до мягкости, просто таяла во рту.

После завтрака он согрелся так, словно тепло напитало каждую клеточку его тела.

Когда посуда была вымыта, а кухня убрана, Цю Хэнянь налил теплой воды в таз, добавил холодной, чтобы добиться комфортной температуры, смочил чистую ткань, отжал ее и подошел к Цин Яню.

Цин Янь сидел на краю кровати, ожидая своей очереди для умывания. Он поднял взгляд и увидел, как Цю Хэнянь стоит перед ним, слегка повернув лицо. С его ракурса было видно, как у мужчины дрогнул кадык, прежде чем он сказал низким голосом:

— Подними голову, я умою тебе лицо.

Цин Янь замер на мгновение, а затем быстро вспомнил, как вчера вечером в шутку сказал, что хочет, чтобы его умыли. Мужчина, оказывается, запомнил его слова.

Цин Янь улыбнулся, плотно прижав губы, и послушно поднял голову, обнажив свое свежее и нежное лицо, мягко сказав:

— Спасибо тебе, муж!

<http://bllate.org/book/13590/1205165>